

От ранобэ к литературной формуле японского реинкарнационного фэнтези

Научный руководитель – Мазурик Виктор Петрович

Ковлеков Кирилл Иванович

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Институт стран Азии и Африки, Кафедра японской филологии, Москва, Россия

E-mail: aevin.laelist@gmail.com

В начале 2010-х гг. в японском фэнтези начала формироваться группа художественных произведений, фабула которых была продиктована общей идеей реинкарнации. На протяжении следующего десятилетия реинкарнационные фэнтезийные романы обрели свою особую характерную форму и заслужили широкое признание в среде массового читателя [1]. Закономерно встает вопрос о причинах этого явления и о методах научного изучения данного материала в рамках японской массовой литературы. Для того, чтобы приблизиться к пониманию сути японского реинкарнационного фэнтези можно использовать два подхода. Первым, традиционным из них является анализ *ранобэ* (от яп. «*raito-noberu*», легкий роман).

Тема *ранобэ* довольно хорошо освещена в японском литературоведении. Японские исследователи рассматривали данное явление с точки зрения стилистики, лексики, грамматики, основных черт и особенностей [5]; как социокультурное явление, средствами компаративного анализа в исторической перспективе [4]; в восприятии этой литературы глазами разных поколений [6]; в технологиях написания *ранобэ* и разнообразии авторских приемов [3]. При этом исследователи зачастую выделяют характерные особенности *ранобэ*, которые в то же время являются особенностями и массовой литературы в целом, что, в свою очередь, заставляет нас задуматься о том, насколько приближена теория к практике.

В данном свете *ранобэ* представляется собирательным понятием для художественных произведений массовой литературы самой разной направленности, что затрудняет применение термина в частных случаях, например, по отношению к исследованию японского реинкарнационного фэнтези. Этот подход структурно не оправдан в силу того, что, во-первых, *ранобэ* — это тип издания, во-вторых — *ранобэ* объединяет в себе произведения с широким разбросом тематики, динамики фабулы, с различными типами хронотопов и т.д. Эти два фактора указывают на то, что, как исследовательская единица, *ранобэ* значительно обедняет и ограничивает возможность объективного и детального рассмотрения индивидуальных особенностей конкретных произведений. В целом, рассмотрение реинкарнационного фэнтези с точки зрения *ранобэ* не может считаться целесообразным.

Другим перспективным подходом к изучению японского фэнтези является взгляд с точки зрения концепции Дж.Г.Кавелти о литературных формулах [2]. На основе данного подхода японское реинкарнационное фэнтези может найти свое место в общей классификации японского фэнтези как элемент его иерархической структуры. При атрибуции художественных произведений в категории *ранобэ* — романы выступают уже как представители *райто-ноберу*. В то же время применение и сравнение литературных формул позволяет исследователю более эффективно разграничить общие и частные особенности тех или иных произведений.

Таким образом, *ранобэ* в качестве исследовательской модели японского фэнтези имеет два аспекта: первый - это практический и прикладной характер, раскрывающий технологии написания популярных романов; второй - исторический, как инструмент передачи

идеи о массовой литературе отаку в динамике её развития. Но для полноценного углубленного научного анализа японского реинкарнационного фэнтези более результативным может стать гибкий, непосредственный подход с позиций формульной литературы, который, благодаря своей тематико-содержательной направленности, позволяет рассматривать японское фэнтези как динамическую систему появляющихся, исчезающих и конкурирующих между собой литературных формул.

Источники и литература

- 1) Ковлеков К.И. Современное японское фэнтези: реинкарнационные тэнсэй-моногата-ри // В поисках границ фантастического: на пути к методологии. Под ред. А.В. Сеницкой и Е.А. Нестеровой. Вроцлав, 2017. С. 190-203.
- 2) John G. Cawelti. The Concept of Formula in the Study of Popular Literature // In: Popular Culture. Production and consumption. Oxford, 2001. P. 203–209.
- 3) Иида Кадзуфуми. Бесутосера- райто-нобэру но сикуми. Кяракута сё:сэцу но кё:со: сэнряку. Токио, 2012.
- 4) Итиянаги Хиротака, Кумэ Ёрико. Райто-нобэру сутади:дзу. Токио, 2013.
- 5) Сэнко К. Майнард. Райто-нобэру хёгэн-рон (кайва — со:дзо: - асоби но дисуко:су но ко:сатсу). Токио, 2012.
- 6) Хидеока Кэйта. Ранобэ но нака но гэндай Нихон поппу/ботти/носутарудзия. Токио, 2013.